

Об изделиях из стекла как предмете ремесла и торговли в Византии в IV–IX вв.

Сорочан Екатерина

Сорочан Екатерина. Об изделиях из стекла как предмете ремесла и торговли в Византии в IV–IX вв. Статья посвящена комплексному рассмотрению стекольного производства и торговли, ассортимента стеклянных изделий в Византии. При этом прослежена степень специализации в этом ремесле, выделены основные группы изделий из стекла или с его применением, частично прослежен импорт и экспорт стеклянного товара.

Ключевые слова: византийское стекло, стеклянные изделия, торговля.

Сорочан Катерина. Про вироби зі скла як предмет ремесла і торгівлі у Візантії в IV–IX ст. Стаття присвячена комплексному розгляду скляного виробництва і торгівлі, асортименту скляних виробів у Візантії. Досліджена ступінь спеціалізації в цьому ремеслі, виділені провідні групи виробів зі скла або з його вживанням, частково був прослідкований імпорт та експорт скляного товару.

Ключові слова: візантійське скло, скляні вироби, торгівля.

Sorochan Katerina About glass wares as the object of handicraft and trade in Byzantium in IV–IX centuries. The article is devoted to complex consideration glass-making and trade, assortment of glass products in Byzantium. The degree of specialization in this handicraft is investigated, the basic groups of wares from glass or with its application are selected, an import and export of glass commodity is partly traced.

Keywords: Byzantine glass, glass products, trade.

Стекло – один из древнейших искусственных материалов, основным компонентом которого является кремнезем (песок), а также щелочные материалы как источник окисей. Зарождение стеклоделия относят к V тыс. до н. э., однако изготавливать дутое и прозрачное стекло научились лишь к началу нашей эры. После падения Римской империи центром мирового стеклоделия становится Византия. Ее памятники позволяют определить, какие изменения произошли в технологиях изготовления стеклянных изделий, в их ассортименте,

применении в быту, оценить вклад, сделанный ромейскими мастерами в разработку качества и красоты стекла в мировом масштабе, а также изучить и понять самое сложное, – систему и степень специализации в этой области ремесла и торговли. Последнее представляет особый интерес, поскольку эти вопросы не являлись предметом должного исследования.

Вместе с тем проблемы византийского стеклоделия, его центров производства, организации, специализации и ассортимента продукции исследованы сравнительно глубоко. В этом плане мы многим обязаны капитальному труду Жана Филиппа [50, р. 3-108], долгое время остававшемуся единственной обобщающей работой по истории византийского стеклоделия. После этого подобную попытку проделала лишь Ю. Л. Щапова, подводя своеобразный итог своей 30-летней работе [33, 34]. Между этими двумя большими вехами можно отметить лишь статью А. Грабарь [42, р. 89-127], посвященную стеклянным сосудам византийского происхождения, впрочем, главным образом, X–XI вв. Функциям и месту стекла, в том числе византийского, была посвящена работа международного семинара по средневековому стеклу на Балканах [29]. Существенно пополнить и расширить представление о византийском стеклоделии, а значит, о его ремесленной продукции и специализации, позволяют материалы, происходящие с окраин ромейского мира. Здесь следует особо выделить находки ранневизантийского стекла и производственных комплексов в византийском Херсонесе / Херсоне IV–VII вв., которые были обработаны и проанализированы в специальных работах Л. А. Голофаст, завершившихся диссертационным исследованием в 1998 г. [6, с. 312-326; 7, с. 97-260].

Помимо археологического материала из Херсона были также использованы находки из раннесредневекового Боспора, Юго-Западной Таврики, Сугдеи, Северного Кавказа, малоазийских Сард, Египта, Балкан, находки на трассах Шелкового пути. Среди письменных источников следует особо отметить материалы Оксиринхских папирусов VI–VII вв., сочинение Епифания Кипрского (367–403 гг.), Житие Симеона Юродивого (VI в.), хронику Георгия Амартола (IX в.) и Книгу епарха (IX–X вв.), где упоминаются изделия из стекла, производство и торговля ими.

Новизна проделанной работы заключается в комплексном рассмотрении стекольного производства и торговли, ассортименте стеклянных изделий. При этом скорректированы имеющиеся представления о специализации в этом ремесле, а также выделены основные группы изделий из стекла или с его применением.

Значительное распространение стеклянной посуды в IV–V вв. косвенно указывает на то, что она была сравнительно недорогой и пользовалась широким спросом [37, р. 93-96]. Ассортимент ее мало изменился по сравнению с римским временем, хотя считается, что качество продукции первых веков н. э. было выше [51, р. 68-90]. Письменные источники упоминают прежде всего те сосуды, которые чаще всего были в ходу. К примеру, эмесский стекольщик из рассказа

Леонтия Непольского делал кубки для питья [47, col. 1737], которые составляли неразлучную пару к винным бутылкам (*nebel, bissa*) [40, col. 284 A; 47, col. 1712 A, 1732 A]. Бутыли (*bouttia*) входили в качестве самостоятельного товара в ассортимент эргастириев бакалейщиков – салдамариев и реализовывались как пустыми, так и наполненными, например, маслом [5, XIII. 1]. Напротив, ароматические смеси и благовония едва ли продавались «на разлив», без флаконов к ним. Так, в Таврике и Восточном Причерноморье бальзамарии, столь характерные для античных комплексов, встречаются вплоть до первой четверти VII в. [7, с. 147], после чего сходят на нет, видимо, будучи замененными иными емкостями, скорее всего, керамическими амфорисками, унгвентариями, в которых хранили не только парфюмерию, благовония, но и освященное масло, святую воду [26, с. 283-284, рис. 93].

Среди того, что предлагалось рынку продажных вещей можно было встретить не только посуду. В оксиринском папирусе 621 г. сообщается о двух термах, для которых было куплено 130 зеркал из стекла [31, с. 17; 53, р. 16 (№1829-2063), №1921, 12-13]. Разумеется, ранневизантийский Египет с его издавна развитой технологией стеклоделия мог иметь более высокие показатели по сравнению с другими регионами империи [46, р. 111-113], но относить его к числу совершенно уникальных центров стекольного производства, изготовлявшего то, что не делали и тем более не использовали другие, было бы неправомерно.

Ассортимент раннесредневековых византийских изделий из стекла, действительно, не отличался разнообразием, на что неоднократно обращали внимание исследователи, но это была не новообретенная тенденция, а унаследованная от поздней античности, когда еще не приходится говорить о стагнации ремесла. Наряду с ранневизантийскими стаканами с обрезанным краем, коническими кубками, чашами, лампадами, колбовидными сосудами – бутылками, кувшинами с декорированным горлом особенно многочисленными были появившиеся с конца IV в. разнообразные «рюмки», которые служили для питья, в качестве литургических чаш для причастия, а частью использовались как лампады, на что указывают кольцевидные ручки на бортике. Подобные функции могли выполнять и особые колоколообразные двухстенные сосуды – диатреты, однако менее распространенные по причине своей тонкой и дорогостоящей работы. Такие сосуды-«рюмки» бытовали до IX в. включительно. Археологи знают, насколько часто их обломки обнаруживаются при раскопках византийских городов, поселений, некрополей [24, с. 78, 83-86; 7, 123-162; 6, с. 36; 9, 10-11; 26, с. 247-253]. Соперничать с ними по количеству могут лишь фрагменты оконного стекла, которое очень редко удается найти целым, в виде серий *osuli*, бесцветных гладких стеклянных дисков диаметром от 6 до 20 см [23, с. 164-169; 26, с. 760-761, рис. 220]. Их делали в деревянных рамах, смоченных водой, в которых залитую стеклянную массу растягивали щипцами. В целом, вплоть до XI в. преобладали неорнаментированные

лампады, рюмки, кубки, стаканы, винные кувшины – графины простых форм, плоские блюда для причастия, но с IX в. их все чаще стали покрывать глубокой и сложной декоративной геометрической и фигурной резьбой, которая превратилась в образец для исламских мастеров, пытавшихся ее повторять [33, с. 223]. Такое усложнение техники стеклянных изделий, можно предположить, было связано с общевизантийским Македонским ренессансом конца IX – начала XI в., когда усилилась тяга к роскоши и изяществу.

Хронологическим «нововведением» явился и тот факт, что к середине VII в. изживает себя светильник римского типа, количественно сходит на нет, что указывает на смену типов осветительных приборов и отражает переворот в осветительном деле, который в свою очередь не мог не отразиться на ассортименте рынка продажных вещей. Этот переворот зрел уже давно, по меньшей мере со второй половины – конца IV в., когда на смену масляным керамическим лампам стали все более массово идти стеклянные лампы и рюмкообразные сосуды (*yelion, phanoi* – «светила»), а также восковые свечи и свечники [26, с. 65-71]. Они вытесняют керамические светильники римского типа и из погребального обряда [28, с. 65-66, 68-69; 27, с. 105-106; 52, р. 113-114; 26, с. 257-263, 1089-1091]. Бронзовые и стеклянные лампадофоры уже с V в. явно делали для установки лампад, оканчивая рожки горизонтальными кольцами или прорезая круглые отверстия по краям. Устанавливаемые в них лампы в ранневизантийское время подразделялись на несколько типов, среди которых выделяются наиболее ранние, конические кубки, иногда декорированные шлифованными полосами и каплями синего стекла, лампы со скругленным или с заостренным дном, лампы с цилиндрическим или полусферическим туловом с узкой полой ножкой и трехлучные сосуды со сферическим туловом или туловом в форме усеченного конуса [8, с. 134-144]. Местом их производства были Египет (Александрия, Фаюм), Сирия, Палестина (Сидон), Север Италии, Кельн и локальные стеклоделательные мастерские других центров, откуда подобная продукция распространялась по всему ромейскому миру, попадая даже в самые окраинные провинциальные города империи.

Хрупкие сосуды преодолевали подчас огромные расстояния. Некоторые типы «рюмок», производившиеся в Галлии и, вероятно, в Северной Африке во второй четверти VI – конце VII вв., достаточно широко экспортировались, достигая даже городов византийской Таврики [9, с. 10-11]. В это же время туда изредка попадали широко распространенные на Востоке, особенно в среде паломников к святым местам, флаконы сиропалестинского производства с четырех-, шести- или восьмигранным туловом, орнаментированные рельефными пальмовыми листьями, крупными ромбами с точкой посередине или схематично изображенным человеческим лицом, то есть христианской и иудаистской символикой [38, р. 115-116; 7, с. 146-147]. Тогда же стеклянные сосуды ввозили через византийские порты в Лангобардскую

Италию, где они встречаются в ходе раскопок могильников в окрестностях Фьезоле и в кастеле Торсино [4, с. 138]. Кое-что поступало в Хазарию, как, например, лампадки для лампадофоров [13, с. 457]. В свою очередь Романия продолжала получать в VII–VIII вв. привозное стекло, в том числе из своих бывших провинций в Сирии, причем сирийский стеклянный импорт прослеживается на особенно больших расстояниях, к примеру, обнаруживается в византийском Херсоне [19, с. 251-256]. Стеклянные флаконы, выдутые целиком рюмки присутствуют в погребениях VII – IX вв. из Чуфут-Кале, Сахарной Головки, Скалистого и на других памятниках Юго-Западной Таврики, а в боспорских погребениях стеклянная посуда даже преобладает над глиняной [25, с. 51; 1, с. 28-29; 2, с. 44].

Понятно, что без собственного массового производства ромей так хорошо не знали бы стекло (*yelos*) и изделия из него (*yalitis, yelopsikos, ex yelou*) [15, с. 322; 41, IX. 19. 10, X. 21. 6-7], а их мастера не могли хотя бы иногда подниматься до высот настоящего искусства, о чем свидетельствует цветная посуда (синяя, марганцево-красная), отделанная росписью – орнаментом в виде лозы и листьев, медальонами с изображением людей, птиц и даже целых сцен [10, с. 250].

Византийская посуда и стеклянные перстни VIII–IX вв. постоянно присутствуют в находках, сделанных на трассах Шелкового пути, связывавшего империю со Средней Азией и Китаем [20, с. 166; 14, с. 107-110]. Ромейские бусы желтого, синего, зеленоватого, прозрачного и непрозрачного стекла, с золотой прокладкой, почковидные, биконические, цилиндрические, напоминающие по форме ежевику, отличается состав стекла и технология. Они, как и перстни, браслеты темного, почти черного стекла были рассчитаны на «средние слои» ромеев, но, кроме того, в качестве предметов экспорта, на вес, в составе одежды или посредством меновой торговли, попадали порой на весьма удаленные территории за пределами империи [22, с. 59]. Так, исследование бус с памятников Хазарского каганата в Подоньи показывает, что 7,5% из них поступали из мастерских Романии, а остальные из Сирии и Египта [21, с. 59], что не исключает посредничество византийских торговцев.

Производственным полем деятельности мастера – стекольщика являлся специализированный эргастрий с обязательным горном – печью или хотя бы небольшими керамическими сосудами – тиглями, горшками для варки стекла [18, с. 36-46; 3, с. 41; 39, р. 282-380]. Помимо песка как основного сырья для стекловарения, необходимым материалом была также натриевая сода (*natron*, активно экспортируемая из Египта) или зола (возможно поташ – промывтая зола) – источник окисей натрия или калия. Как компонент могли использоваться раковины или известь (источник окиси кальция), однако не обязательно, и различные красители – окиси металлов – меди, марганца, кобальта, железа, свинца, а также серебро и золото для турмалиновых и красных стекол. Применялись обесцвечиватели (окиси марганца и сурьмы) и

глушители (окиси сурьмы, сурьмы с кальцием, олова, свинца, медь, закись меди), необходимые для придания стеклу различных цветовых и прозрачных свойств [35, с. 15-23]. Известно, что равенские красильщики окрашивали не только ткани, но и кожу, стекло, мозаику, дерево, даже кость, рог, металлы и другие материалы, изготовляли чернила и разнообразные краски, а анализ «Трактата об окраске мозаик» свидетельствует о совмещении красильщиками профессий стеклодува, золотых дел мастера, изготовителя пергамента [4, с. 115-116].

Древесный уголь (anthrakoo) и (или) дрова – необходимое для производства топливо, по крайней мере в ранней Византии, можно было закупить у специализированных торговцев. Григорий Нисский имел дела с тем, кто занимался изготовлением угля (anthrakopoia или anthrakopoieo) [43, col. 937 A], имеется в виду древесный уголь – твёрдый пористый высокоуглеродистый продукт, получаемый из древесины нагреванием без доступа воздуха (или при незначительном доступе его) в печах или кучах. Выход древесного угля составляет 30-40% от веса сухой древесины, что позволяет предположить большой расход топливного сырья для стеклоделия – древесины, а именно атлантико-средиземноморских вечнозеленых жестколистных лесов субтропического пояса, включая дубы – пробковый, каменный, круглолистный, произрастающих по всему побережью Средиземного моря. Особенно, если учесть данные палеоклиматологии – похолодание VI в., до так называемого «малого» климатического оптимума VIII–XIV вв., когда можно предположить, что в изучаемый нами период средиземноморская растительность не страдала от недостатка влаги и слишком жаркого климата.

Письменные источники различают, по крайней мере, терминологически, лишь стекловаров (yalopsos) и изготовителей стекла, стеклянной продукции (yalas) [16, с. 223; 31, с. 29], причем на деле особой разницы между теми и другими, похоже, не было: горячая стеклянная масса была исходным продуктом работы для любого ремесленника, связанного с варкой стекла, изготавливая он стеклянные сосуды, браслеты или oculi для оконных рам. Иоанн Мосх рассказывал об александрийском иалопсе – стекловаре, который повреждал глаза во время перемешивания жидкой массы на огне до тех пор, пока не ослеп и стал влачить нищенское существование [36, col. 2929-2932, sec. 77]. Агиограф ничего не говорит о том, что делал мастер из своего полуфабриката. Зато Леонтий Непольский описал не только горн мелкого эмесского стеклодела, но и привел некоторые ценные детали, касавшиеся кропотливого труда стеклодува над изготовлением сосудов. Подробности свидетельствуют о том, что в понимании ромеев стекольное производство в прямом и переносном смысле было делом тонким и сопровождалось большим количеством брака: сосуды постоянно лопались, причем однажды мастер испортил подряд тринадцать кубков [47, col. 1737; 11, с. 79]. Не случайно, составитель Жития Св. Фотина причиной начавшегося в городе пожара назвал именно эргастрий стекловара [23, с. 164].

Очевидно, эта отрасль ремесла испытывала недостаток желающих занять в ней место. Если только участие евреев может служить индикатором «маргинальности» того или иного производства, тогда стремление иудеев найти применение в Византии в области стеклоделия [44, р. 654.19-656.11; 48, s. 105 f] заставляет смотреть на него как не очень надежное и опасное.

Согласно результатам специальных исследований Ж. Филиппа и Ю. Л. Щаповой, даже в небольших византийских стеклоделательных мастерских обычно наблюдалась достаточно дробная специализация производственного и товарнобытового процесса, а сами эргастрии отличались определенными стабильными и общими чертами, характерными как для V–VI вв., так и для IX–X вв. [50, р. 3-108; 33, с. 245-246]. В целом, сказанное расходится с приведенными выше материалами, хотя надо учесть, что степень специализации, очевидно, была не везде и всегда одинаково высокой, возможно менее узкой, чем представляется исследователям, а производство небольших вещей и украшений из стекла, в отличие от производства хрупкой стеклянной посуды, не обязательно нуждалось в близких рынках сбыта.

Таким образом, в результате исследования удалось выяснить, что специализация в стеклоделии была выражена не всегда и везде достаточно узко, а само ремесло было рассчитано преимущественно на удовлетворение местного рынка спроса, что не исключало существования сравнительно далекой экспортной торговли некоторыми категориями стеклянных изделий, преимущественно украшениями.

Литература

1. *Айбабин А. И.* Стекланные рюмки из раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма / А. И. Айбабин // Сообщения Государственного Эрмитажа. – 1976. – Вып. 41.
2. *Амброз А. К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV – VII вв. / А. К. Амброз // МАИЭТ. – (1994) 1995. – Вып. 4.
3. *Баранов И. А.* Археологическое изучение Сугдеи – Солдаи / И. А. Баранов // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. – Симферополь, 1994.
4. *Бородин О. Р.* Византийская Италия в VI–VIII вв. Проблемы административной и социально-политической эволюции: Автореф. Дисс. ... докт. ист. наук. / Бородин Олег Робертович. – М., 1997.
5. *Византийская* книга Эпарха: Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. – М., 1962.
6. *Голофаст Л. А.* К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе / Л. А. Голофаст // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6.
7. *Голофаст Л. А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса / Л. А. Голофаст // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8.
8. *Голофаст Л. А.* Стекланные осветительные приборы позднеантичного и раннесредневекового Херсонеса / Л. А. Голофаст // Древности 1997–1998. – Харьков, 1999.

9. Голофаст Л. А. Стекланные рюмки из раскопок Херсонеса / Л. А. Голофаст // Византия: кумуляция и трансляция культур. Тезисы докладов IX науч. Сюзюмовских чтений 24-27 августа 1997 г. – Екатеринбург, 1997.
10. Джанполадян Р. М. Новые материалы по истории византийского стеклоделия / Р. М. Джанполадян // Византийский временник. – 1967. – Т. 27.
11. Жизнь и деяния аввы Симеона, юродивого Христа ради, записанные Леонтием, епископом Неаполя Критского (ок. 641–648 гг.) // Византийские легенды. – М., 1972.
12. Жиронкина О. Ю. Бусы из Нетайловского могильника: к вопросу о происхождении / О. Ю. Жиронкина // На честь заслуженого діяча науки України А. П. Ковалевського: Тези Міжнародної наукової конференції, присвяченої 100-річчю від дня народження. – Харків, 1995.
13. Иерусалимская А. А. Виды византийского импорта в раннесредневековых могильниках Северного Кавказа как отражение многообразных контактов на шелковом пути / А. А. Иерусалимская // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. – М., 1991. – Т. 1.
14. Иерусалимская А. А. Предметы христианского культа из могильника Мошевая Балка / А. А. Иерусалимская // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. – Л., 1985.
15. Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе / В. М. Истрин. – Л., 1930. – Т. 3: Греческо-славянский и славянско-греческий словари.
16. Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX - X веков.: Очерки по истории византийского феодализма / А. П. Каждан. – М., 1960.
17. Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии / В. Б. Ковалевская. – Пушино, 2000.
18. Койчева К. Ранновизантийская стъкларска работилница / К. Койчева // Археология. – София, 1990. – Год. 32. – Кн. 4.
19. Колесникова Л. Г. Восточное стекло из собрания Херсонесского музея / Л. Г. Колесникова // Византийский временник. – 1973. – Т. 34.
20. Кузнецов В. А. Раскопки на Нижнем Архызе / В. А. Кузнецов // Археологические открытия 1971 г. – М., 1972.
21. Мастыкова А. Бусы как источник изучения культурных контактов Средиземноморья и Восточной Европы / А. В. Мастыкова // Международ. конф. «Византия и Крым», Севастополь, 6 – 11 июня 1997 г. Тезисы докладов. – Симферополь, 1997.
22. Мастыкова А. В. Применение химико-технологического анализа к изучению стеклянных средневековых изделий (по материалам салтово-маяцкой культуры) / А. В. Мастыкова // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии. Программа конференции. Тезисы докладов. 27 – 30 ноября 1994 г. – СПб., 1994.
23. Оустерхаут Р. Византийские строители / Р. Оустерхаут / [Пер. Л. А. Беляева. Под ред и с коммент. Л. А. Беляева, Г. Ю. Ивакина]. – К. – М., 2005.
24. Паршина Е. А. Торжище в Партенитах / Е. А. Паршина // Византийская Таврика. – К., 1991.
25. Скалон К. О некоторых формах стеклянной посуды позднеантичного и раннесредневекового Боспора / К. Скалон // Сообщения Государственного Эрмитажа. – 1973. – Вып. 37.

26. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры / С. Б. Сорочан. – Харьков, 2005. – Ч. 1-2.
27. Сорочан С. Б. Светильник и свеча в ранней Византии, или две эпохи осветительных приборов / С. Б. Сорочан // Древности 1997–1998. – Харьков, 1999.
28. Сорочан С. Б. Ранняя Візантія: світло для живих і мертвих / С. Б. Сорочан // Схід – Захід: Історико-культурологічний збірник. – Харків, 1999.
29. Средньовековно стакло на Балкану (V–XV век). Зборник радова са мечунар. саветованья одержано од 22 до 24 апр. 1974 у Белград / Уред. В. Чубрилович. – Белград, 1975.
30. Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII - середина IX в.) / М. Я. Сюзюмов // Византийский временник. – 1967. – Т. 27.
31. Фихман И. Ф. Египет на рубеже двух эпох: Ремесленники и ремесленный труд в IV – середине VII вв. / И. Ф. Фихман. – М., 1965.
32. Фихман И. Ф. Оксирих – город папирусов / И. Ф. Фихман. – М., 1976.
33. Щапова Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории / Ю. Л. Щапова. – М., 1988.
34. Щапова Ю. Л. Византийское стеклоделие V–XII вв.: организация производства / Ю. Л. Щапова XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. – М., 1991. – Т. 2.
35. Щапова Ю. Л. Очерки древнего стеклоделия / Ю. Л. Щапова. – М., 1983.
36. *Beati Ioannis Eucratae liber qui inscribitur Pratum quod floridaam proferat vitarum narrationem coelestis roseti* // PG. – Turnholti, 1976. – Т. 87 С.
37. *Byzance. L`art byzantin dans les collections publiques francaises.* – Paris, 1992.
38. *Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections* / [Ed. By D. Buckton]. – London, 1994.
39. *Davidson G. A Medieval Glass-Factory at Corinth* / G. Davidson // American Journal of Archaeology. – 1940. – Vol. 44. – № 2.
40. *Epiphanii Constantiae in Cypro episcopi Opera quae reperiri potuerunt omnia* // PG. – 1864. – Т. 43.
41. *Geoponica sive Cassiani Bassi scholastici De re rustica eclogae* / [Rec. H. Beckh]. – Lipsiae, 1895. – IX.
42. *Grabar A. La verrerie d`art byzantine au Moyen Age* / A. Grabar // Monuments et Memories. – Paris, 1971. – Т. 57.
43. *Gregorii episcopi Nysseni Opera quae reperiri potuerunt omnia, nunc denuo correctius et accuratius edita et multis aucta* // PG. – 1863. – Т. 44 В.
44. *Gregorii monachi chronicon* / [Ed. C. de Boor]. – Lipsiae, 1904. – Т. 1-2.
45. *Gregorii episcopi Nysseni Opera quae reperiri potuerunt omnia, nunc denuo correctius et accuratius edita et multis aucta* // PG. – 1863. – Т. 44; Т. 45.; Т. 46.
46. *Johnson A. Ch. Byzantine Egypt: Economic Studies* / A. Ch. Johnson, L. C. West. – Princeton, 1949.
47. *Leontis Cyprorum, ep. Neapolitanus. Vita Sti Symeoni Sali* // PG. – 1864. – Т. 93.
48. *Kislinger E. Jüdische Gewerbetreibende in Byzanz* / E. Kislinger // Die Juden in ihrer mittel alterlichen Umwelt / [Hrsg. von A. Ebenbaner, K. Zatloukal]. – Wien; Köln; Weimar, 1991.
49. *Nicephori presbyteri Constantinopolitani Vita Sti Andrea Stulti (Sali)* // PG. – 1863. – Т. 111.
50. *Philippi J. Le monde byzantin* / J. Philippi // L`histoire de la verrerie (Veme – XVIeme siecles). – Bologna, 1968.
51. *Saldern von A. Ancient and Byzantine Glass from Sardis* / A. von Saldern. – Cambridge, Mass, 1980. – Vol. XV.

52. Sorochan S. Light for Life and Death in Early Byzantine Empire / S. Sorochan // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World / [Ed. D. Zhuravlev] / British Archaeological Reports. International Series 1019. – Oxford, 2002.
53. *The Oxyrhynchus Papyri*. – London: Egypt exploration society, 1924.
54. *Theodori Studitae orationes et epistulae* // PG. – 1864. – T. 99.

УДК 94(477.7):2–557

О трансформации церемонии погребения херсонеситов на протяжении античного – византийского периодов

Супрун Наталия

Супрун Наталия. О трансформации церемонии погребения херсонеситов на протяжении античного – византийского периодов. Погребальный обряд представляет собой отражение складывавшейся веками целостной системы взглядов, связанной как с религиозными воззрениями, так и с социально-политической жизнью общества. На протяжении античного и средневекового периодов в Херсонесе претерпевали изменения все составляющие погребального обряда: выбор способа захоронения, составляющие элементы этих способов, выбор погребального сооружения, а также церемонии захоронения. Данная статья является попыткой впервые проследить эти эволюционные процессы и закономерности на примере церемонии захоронения.

Ключевые слова: Херсонес, погребальный обряд, церемония захоронения, ингумация, погребальное сооружение, захоронение.

Супрун Наталя. Про трансформацію церемонії поховання херсонеситів протягом античного – візантійського періодів. Поховальний обряд є віддзеркаленням цілісної системи поглядів, що складалася століттями. Вона пов'язана як з релігійними переконаннями, так і з соціально-політичним життям суспільства. Впродовж античного і середньовічного періодів в Херсонесі зазнавали змін всі складові поховального обряду: вибір способу поховання, складові елементи цих способів, вибір похоронної споруди, а також церемонії поховання. Представлена стаття є